ДАРЬЯ КОЖЕВНИКОВА

НЕЧАЯННЫЙ БОГАТЫРЬ

ХРОНИКИ НЕЗАДАЧЛИВОГО ГЕРОЯ

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Дарья Кожевникова

Нечаянный богатырь

«Эксмо»
2020

Кожевникова Д. С.

Нечаянный богатырь / Д. С. Кожевникова — «Эксмо», 2020 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-113641-3

Отце-генерал мечтал вырастить из сына вояку себе под стать. Но сын, по его настоянию окончивший престижную военную академию, совсем не был расположен командовать и соблюдать воинскую дисциплину. В результате он оказался сослан в самый неблагополучный поселок во всем уезде, на должность участкового. Но Павел Павлович Павлов, получивший среди населения прозвище Трой, не воспринял свою ссылку как наказание. Сам далеко не ангел, он сумел навести порядок в селе и завел немало друзей, среди которых оказалась и баба Яга, и леший Жажила, и даже четверо разгульных волков, вместе с Троем веселящихся по кабакам в те дни, когда удавалось удрать от жен. С волков, внезапно пропавших после очередной веселой попойки, и начались злоключения Троя. Оказалось, что над всем населением нависла угроза, потому что в уезде начал орудовать пришлый колдун, черный маг из другого мира, похищающий жителей. А чтобы Трой не мешал ему в этом деле, маг оклеветал и его, и даже Ягу. Теперь этим двоим ничего другого не остается, как вступить с магом в неравный бой, за своих похищенных друзей и за свое доброе имя. Но они не одни! На их стороне еще остались звери и птицы, лешаки и кикиморы. И даже невеста, которую вынудили приехать в поселок, чтобы выдать замуж за дурачка-участкового Павлика.

ISBN 978-5-04-113641-3

© Кожевникова Д. С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1 7
2 9
3 12
4 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Дарья Кожевникова
Нечаянный богатырь

В оформлении обложки использованы фотографии:
© Ironika, AB Photographie / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Говорят, что существуют где-то миры, в которых только люди ходят на двух ногах, могут совершать сложные манипуляции руками, владеют связной речью. Животные там играют второстепенную роль: если даже и понимают речь, то ответить не могут, бегают, опираясь на все четыре конечности, не отвечают за свои поступки, не носят одежду, а живут либо в лесу под открытым небом, либо в домах, принадлежащих людям, можно сказать, на правах их собственности. А еще у людей из тех миров есть такие города, где большие скопления зданий и вовсе нет леса, ни между домами, ни даже вокруг. Да, я слышал о таком не раз. Но, честно говоря, я не верю в подобные сказки…

1

Ой-ой-ой!!! Боль была такой, что аж слезы потекли по щекам. Что?! Откуда?! Я замер посреди проселочной дороги, обеими руками ухватившись за весло, в последнее мгновение очень кстати занявшее вертикальное положение. Пошатываясь с ним в обнимку, я даже не сразу понял, что именно этим-то веслом сам себе по ногам и заехал. Весло… Стоп! Откуда?! И зачем оно мне, тяжеленное, длиннющее, да посреди дороги, вблизи которой разве что канаву можно найти?

Я зажмурился, пытаясь собрать в кучу разъезжающиеся в стороны глаза и разбегающиеся мысли. Кое-что вспомнил. Это самое весло я прихватил, когда мы с волками выходили из последнего кабака. Оно сушилось во дворе у стены, и хозяин еще пытался у меня его отобрать. Я был против. Так против, что хозяин, хоть он и кабан не из последних, куда-то улетел. То ли в канаву, то ли в крапиву. С моей, разумеется, подачи, хотя в обычных условиях я гуманоид с более чем мирным характером. А тут не знаю, что на меня нашло. Больше после этого пострадавший кабан попыток вернуть свое весло не повторял, но я отчетливо помню, что он искренне желал мне им подавиться. Я не стал выполнять его желание, а поплелся с веслом в сторону своего поселка. Вроде даже не один? Точно! Пили-то с волками! С ними я и шел. Куда же они тогда делись? Так… На полдороги мы поймали такси! Помню еще, зубастые сволочи сразу врубили в салоне музыку, отчего аж стекла чуть из машины не вынесло. И лыбились при этом так, что пасти сверкали. Да, это точно помню… Так, а я-то почему с ними не уехал? Ведь меня как будто уговаривали тоже сесть в машину… И не только уговаривали, а, кажется, даже пытались туда затащить… А я что же? Ах, да! У меня же весло в салон не влезало!!! А когда его вновь попытались у меня отобрать, я им и отбился, после чего волки плюнули всердцах и уехали без меня. Я же со своим веслом потопал дальше.

Весло… Я поправил его на плече, чуть не потеряв при этом равновесие. И тут у меня впервые за прошедший вечер мелькнула по-настоящему трезвая мысль: а на кой оно мне вообще сдалось-то, весло это?! Да еще так крепко заехавшее мне по ногам?! От этого воспоминания боль в ногах враз вспыхнула с новой силой. И я от души, недолго думая, зашвырнул это… весло куда подальше. Точнее, попытался. Размахнулся хорошо, но руки вовремя разжать не успел, и улетающее в неведомые дали весло рвануло меня за собой, после чего ночное небо, взбрыкнув всеми своими звездами, вдруг норовисто отскочило куда-то вбок. Темнеющий на горизонте лес, напротив, подпрыгнул и встал на дыбы. В скулу мне врезалось что-то, очень похожее на булыжник, после чего количество звезд перед моими глазами резко умножилось. А потом все они разом вдруг исчезли вместе с последней угасающей в моей голове мыслью: «Только бы весло не потерять!»

Не потерял. В чем сразу убедился, как только очнулся. Сжимаемое мною в объятиях весло, похоже, пыталось продавить во мне дырку сквозь ребра. Я заелозил, охая при каждом своем движении. Тело местами онемело, а местами болело так, что лучше б уж немело все целиком. Когда я наконец-то полностью выбрался из канавы, в которую залетел, мне мучительно захотелось домой, прямо вот сейчас, как можно скорее, чтобы хлопнуть минералочки из холодильника, а потом упасть на самый удобный в мире диван. Но до дома было неведомо сколько верст, и теперь я даже точно не знал, в какую именно сторону. Да, можно было бы ориентироваться по звездам, но если бы я еще знал, который сейчас час! Обычно я часы не ношу, потому что вечно их разбиваю, жизнь у меня насыщенная событиями. К тому же, в наших краях полно кукушек, у которых всегда можно время спросить. Не знаю, как это у них получается, но, даже если не дежурят на пунктах точного времени, все равно ответят с точностью до минуты. Однако сейчас, посреди дороги, кукушек не было, как назло, ни одной. Так что ни времени, ни направления… ни минералочки. От этого всего, ополчившегося против

меня полным комплектом, мне стало очень, очень грустно… Я был далеко от родного очага, совершенно один на пустынной дороге. Впрочем, почему один? Со мной же весло! Кряхтя и охая, я поднял его и прижал к себе, как лучшего друга. Мысль о том, чтобы выбросить его еще раз, даже не пришла мне на ум. Так мы с ним и пошли вдвоем, выписывая по дороге кренделя и зигзаги.

2

Как я добрался до дома, это отдельная история. Но шел я всю ночь, когда подошел к своему забору, уже светало. Измученный и шатающийся, я лишь с третьего раза попал в калитку. Весло пристроил на крыльце, а сам, даже не вспомнив про минералочку, ввалился в гостиную, уронил себя на диван, в чем был, и уснул таким крепким сном, что коматозники бы позавидовали.

Правда, спать мне пришлось не очень долго. Солнышко едва заиграло в полную силу, залив мне светом окно, как в дом ввалилась толпа особ, которые и мертвого поднимут, если потребуется. По крайней мере, я добросовестно притворялся таковым, но меня все-таки вынудили принять сидячее положение. И даже глаза заставили открыть во всю ширь. Правда, я тут же снова зажмурил их в ужасе. Вы когда-нибудь видели перед собой сразу четырех разъяренных волчиц? Нет, если эти волчицы не являются женами ваших закадычных друзей-приятелей, пропавших из дома еще вчера, и притом вместе с вами, то вы не видели ничего. А я вот увидел. И услышал. И даже ощутил, когда в порыве чувств разъяренные фурии стали обращаться со мной совсем уж невежливо, требуя рассказать, куда подевались их зубастые половины и почему я вернулся в поселок один. Толкали, щипали, встряхивали. Но огрызаться на волчиц себе дороже. Впрочем, волчицы, кабанихи, гуманоиды или медведицы – какая разница? Одно слово – бабы… женщины, то есть. Существа, с которыми драться нельзя, а словом их победить невозможно. Поэтому под их натиском я просто втянул голову в плечи, надеясь, что когда-нибудь все это закончится.

Вскоре я уже сочувствовал волкам от души: угораздило же их на таких гарпиях жениться! То ли дело я, холостой! Никто меня не побеспокоит. Если только чужие жены в дом не завалятся. Отчаявшись чего-то от меня добиться выбранным методом, фурии решили сменить тактику. Отпустили меня, и я блаженным мешком свалился обратно на диван. Сквозь шум в голове слышал, как все четыре волчицы орудуют на моей кухне. Что они там творят? У меня ж в холодильнике только пачка пельменей заблудшая! А впрочем, без разницы! Лучше пусть кухню разнесут, чем из меня последние капли жизни вытряхнут. Но тут я запоздало вспомнил про минералочку, и пить захотелось так, что аж дыхание перехватило. Поднялся, поплелся на кухню, к гарпиям. Они на меня только глазами сверкнули, но не стали ничего говорить. Чувствуя себя под этими взглядами, как под прицелами настоящих ружей, я все равно не подавился, а втянул в себя всю воду из бутылки, как насос. И хотел уже вернуться обратно, на диван, как старшая из волчиц, Хлоя, резко осадила меня:

– Давай за стол! Пока плетешься в комнату, все уже будет готово!

Под этим голоском я невольно присел, как под просвистевшей надо мной пулей, както удачно оказавшись сразу на стуле. Как заправский холостяк, я прекрасно умел готовить. Правда, всего два блюда – пельмени и макароны. Но сегодня волчицы продемонстрировали мне не только ужасы, но и некоторые достоинства семейной жизни, не поскупившись ради этого на собственные продукты. Передо мной оказалось жаркое из злакового биомяса, салат с орешками, лепешки, и под конец – просто дивный кофе. Уж не знаю, как его Хлойка варит, но у меня он никогда таким не получается. В общем, полчаса назад мне даже думать о еде было тошно, а тут вдруг проснулся такой аппетит, что я набросился на все, мне предложенное, даже не задумываясь, а с чего вдруг такая забота? Ведь кормили меня, естественно, не по доброте душевной. Когда я все умял, залив сверху кофе, та же Хлоя грозно меня спросила:

– Ну что, ожил? А теперь давай, вперед, этих сволочей разыскивать! И чтоб без них сюда даже не возвращался!

– Да где ж я их вам возьму? – вяло огрызнулся я.

Ну, выгонят меня сейчас из дома, и чего этим добьются? Накормлен-напоен, я дальше и в лесу неплохо могу отоспаться. Но тут меня озадачила одна мысль: я шел домой пешком, выписывая кренделя на дороге и таща на себе весло, а волки-то уехали на такси! Так неужели до сих пор до дома не добрались? Этому могло быть только два объяснения: либо с ними случилось что-то серьезное, либо зубастые негодяи, раздумав ехать домой, окончательно пустились вразнос и завернули «к девочкам». Не к своим, естественно, иначе бы эти свои меня сейчас такой грозной сворой не окружали. Так… только не ляпнуть бы сейчас спьяну о моих предположениях насчет посторонних девочек, иначе что-то серьезное с моими приятелями случится уже непременно, как только они переступят родные пороги. Волчицы же порвут их на ватные шарики! А может, и меня заодно, так, за компанию и для ровного счета.

– А это нас уже не касается! – ответила мне тем временем Хлоя. – Вынь да положь! Вместе вчера загуляли? Вместе! Вас полпосёлка видело, слышало и даже терпело до тех пор, пока вы отсюда не улизнули.

Еще бы не улизнуть! Когда нам доброхоты сообщили, что Хлойка с подругами уже в нашем направлении движется, к местному кабаку, и отнюдь не с добрыми намерениями, а как минимум с одной скалкой в руках. Вот и пришлось срочно когти рвать в соседний поселок. А там мы заспорили, в каком кабаке пиво лучше… ну, и пошло-поехало. Примерно до середины я наш вояж помнил весьма отчетливо. После – уже только наиболее яркими фрагментами. Как про весло, например. Так что из всех тяжких, в которые мы вчера еще не пускались, лишь девочки и оставались на тот момент, когда мы в разные стороны разошлись. И, помнится, волки что-то кричали мне на этот счет из такси, пытаясь переорать ими же включенную музыку. Мол, мы-то сейчас еще по-настоящему развлечемся, а ты оставайся, раз такой дурак, и… ну, в общем, понятно, что делай со своим веслом.

– Вот если бы дали вчера мужикам нормально в своем местном кабаке посидеть, так не пришлось бы их сегодня разыскивать, – отгавкнулся я.

Не помогло!

– Ты там можешь хоть корни пустить! А у них семьи! И семейные обязанности, которые они должны выполнять! У Хеи вон крыша на веранде течет! Кто ее ремонтировать должен?! Всю следующую неделю обещают дожди! Так что поднимай свой зад и иди, разыскивай своих собутыльников!

– Логика у вас, у баб, железная, – проворчал я. – Только что корни в кабаке пустить разрешили, а через пять минут уже из собственного дома выгоняете.

– Пустишь, хоть сразу во всех кабаках, но не раньше, чем приятелей на место вернешь.

– Да почему я-то их должен искать? – сделал я последнюю попытку отбиться от временного выселения. – Они мои приятели, но ваши мужья! Еще скажите снова, что это именно я их всех спаиваю! Как будто у них вообще нет своего мнения в этом вопросе.

– Ты должен примером для них служить! – веско информировали меня. – И сам призывать их к порядку! А не растлевать население! И вообще, приступай уже к поискам! Считай, что мы подали тебе официальное заявление! Кто у нас, в конце концов, участковый? Ты или мы?

Участковый! Да, это гордое звание носил именно я. Не по зову сердца, а исключительно по настоянию моего папаши, отставного генерала, да по ходатайству одного медведя, его давнего кореша, который занимал высокий чин в нашей полиции. Стариканы совсем сбрендили, если смогли додуматься до того, что такая должность способна будет сделать из меня образцового персонажа. Батя себя бы вспомнил по молодости! И для начала ответил себе на вопрос: ему-то подобное назначение много чем могло бы помочь? Когда его и до сих пор еще на подвиги тянет. Реже, чем меня, но зато на*какие*! Хорошо, что мама даже половины всего не знает. Тем не менее, к своей работе я относился, как мог, ответственно, все-таки население на меня в некоторых случаях возлагает надежды, которые мне просто совесть не позволяет не оправдать. Вот и в данный момент, может, не совесть, которая вместе со всем организмом

сейчас страдала от тяжкого бодуна, а еще какое-то чувство – долга, может быть? – в помощь волчицам стало выталкивать меня из дому.

Сказать по правде, было у меня такое желание: углубиться подальше в лес, выбрать моховую лежку помягче да продолжить там прерванный волчицами сон. Но я это желание отмел до поры, потому что грыз меня некий червячок сомнений: а ну как волчары все-таки не к девочкам завернули? А в самом деле ухитрились вляпаться в крупные неприятности, что в их состоянии было сделать совсем не сложно? И сейчас не пробуждаются в мягких кроватях в заведении под вывеской типа «У Цыпочек», а остро нуждаются в моей помощи? Которой я, не зная, что с ними случилось, им не могу оказать. Нет, конечно, можно было бы с ними поквитаться за то, что все-таки бросили меня, одного, посреди дороги с веслом, но это в том случае, если я буду точно знать, почему они до сих пор не вернулись домой. И буду уверен, что не произошло чего-то действительно серьезного – все ж таки я им друг.

Как я мог узнать о том, что именно с волками случилось, не затевая вояж по населенным пунктам с одновременным опросом населения? У меня был такой верный способ: добрести до дома Яги. Потомственная колдунья, гадалка и ясновидящая, она давно числилась в моих ведомостях как научно-оперативный работник. И выдавала мне порой такие подробности чужой жизни, что пришлось с нее даже подписку о неразглашении взять. И ведь ни разу не ошиблась! Только начиная работать, я, случалось, не раз подвергал сомнению бабкины выводы, порой, казалось бы, вообще невозможные. И антинаучные, факт! Но впоследствии жизненный опыт показал мне, что ни один бабкин вывод, как бы парадоксально он ни звучал и каким бы абсурдным способом ни был добыт, подвергать сомнению не стоило. Все было точно, как в банке! В смысле, в официальном таком заведении, а не в бабкиной трехлитровке, где она порой то какие-то зелья замешивала, то настойки делала. Такие же сомнительные, как ее способы добывать информацию, но на пробу столь же качественные. Особенно если не всматриваться сквозь стекло, что там, внутри, плавает. В общем, работником бабка была прекрасным, и был у нее всего один существенный недостаток: уж больно добираться до нее было сложно. Но не сама бабка была тому виной. Нет, это у нее избушка бродячая да норовистая. Хоть за ногу привязывай! И ходит-то тихо, так что порой, находясь внутри, и не заметишь, что она уже куда-то чешет – на цыпочках, что ли? Войдешь к бабке в гости где-нибудь на речном берегу, где она удочки позакидывала, кота своего водными деликатесами побаловать, а выйдешь на какой-нибудь глухой лесной полянке, где из водоемов поблизости только болото. Удочки и все речные дары, естественно, передавали хозяйке прощальный привет. Уж сколько раз бабка свою избу за такие вояжи дрыном охаживала по задним венцам! Да все без толку. Та у нее упрямая и патологически склонная все время где-то бродить. Так что для поисков норовистой твари на курьих ножках бабка мне давно уже специальный компас дала. Сразу показывающий, куда мне идти. И сейчас он неутешительно информировал меня о том, что до бабки мне пилить и пилить. Хорошо, хоть протрезвел я уже настолько, что весло с собой снова не додумался прихватить. С ним, конечно, было бы веселее, но зато без него быстрее и легче.

3

Долго ли, коротко, но в конце концов набрел я на протоптанную стежку, по которой изба бабку в очередное путешествие унесла. По проторенному пути идти стало уже легче, чем продираться через бурелом. Так что я шел довольно бодрым шагом, периодически поглядывая на компас: не унесло ли дурную избушку еще куда-нибудь, не устарел ли уже мой маршрут? Вот бы эта шагающая лачуга навстречу мне выбрела! Но на этот раз изба оставалась неподвижной. И я понял, почему, сразу же, как только вышел на небольшую полянку, где она решила остановиться на этот раз. Обычно дурная на весь чердак, на этот раз избушка и вовсе оказалась с покосившейся крышей. То есть, наклонилась так, что крыша глядела куда-то в сторону, а сама шлепнулась нижними венцами прямо на землю и вытянула обе свои шкодливые ножки.

– Так, – приближаясь, оценил я ситуацию. И строго потребовал: – А ну-ка, дыхни!

Вместо легкого дуновения из окошка вредная изба с готовностью дала мощный выхлоп из печной трубы, наклоненной как раз в мою сторону, так что я оказался не только окутан винными парами, но еще и сажей запорошен с головы и до самых ног. Вот ведь скотина деревянная! Я сделал попытку отряхнуться, да куда там! Сажа – она въедливая, теперь только мыться да одежду стирать. Хорошо, что на мне хоть был сейчас не официальный мундир с его капризной тканью. Уважая этот предмет одежды, я берегу, так сказать, его честь, в то время как моя собственная репутация давно уж всему поселку известна совсем не с лучшей стороны. Именно по этой причине мы с мундиром стараемся появляться на людях вдвоем пореже.

Дождавшись, пока вокруг меня осядет черное облако, я поднялся на непривычно низкое крылечко сидящей избы и в сердцах пнул несносное жилище по нижнему венцу. Изба в ответ лишь слабо дернула одной вытянутой ножкой, что явно говорило о ее плохом самочувствии – в другое время она попыталась бы огреть меня висящей над дверью табличкой, где значилось: «Дама Яга. Работающая пенсионерка. Снятие сглаза, порчи. Гадание. Часы приема…» Часы приема, ага! Ты бы на этой табличке еще написала, где тебя в эти часы ловить вместе с твоей блудливой жилплощадью!

Догадываясь, что сами жильцы, «дама» со своим котом, тоже сейчас пребывают не в лучшем состоянии, я самостоятельно открыл скрипучую дверь. Медленно, потому что в этот момент думал о том, как неудачно все складывается: сам вчера перебрал, как нечасто бывает, да еще и пришел к нетрезвым помощникам. Хорошая из нас сейчас компания выйдет! Что мы только наработаем!

И действительно, первое, что я увидел, шагнув за дверь, это лежащего на лавке кота. Вон он, даже головы не может поднять! Что же за день вчера такой был, а? Я обвел глазами избу в поисках бабки. Но та сама вдруг нашлась, заорала нечеловеческим голосом, подскочила, а вслед за ней с диким воем взлетел с лавки и кот. Потом оба ломанулись к окну, пытаясь синхронно из него выброситься. И благодаря такой синхронности дружно в нем застряли, в качестве приветствия явив мне свои пятые точки. Одну худенькую, в ворохе складчатых юбок до самых пят, а другую откормленную, увесистую, с толстым хвостом. А уж как при этом орали-то! Хорошо, что наружу, заткнув собою окно, иначе я бы оглох! Но что было хорошо мне, то оказалось худо избушке, которой эти вопли ударили под самую ее нездоровую крышу. Заскрипев от такого издевательства всеми своими бревнами, она сделала попытку перевалиться на другой бок. Я успел схватиться за дверной косяк, благодаря чему устоял, а вот бабка с котом, засевшие в окне не слишком плотно, вывалились из проема внутрь и проехались по полу. Остановились у стены, глядя на меня полными ужаса глазами и пытаясь отползти назад. Куда, интересно? В стену вдавиться? Хорошо хоть орать перестали. Кот теперь подвывал на одной ноте, а бабка тихонько икала, при каждом импульсивном движении являя мне свой фирменный клык с золотой коронкой.

– Да у вас что, глюки у обоих?! – рявкнул я: не хватало еще, чтобы у них действительно крышу снесло, и я в такой трудный для меня час добирался до них впустую!

– Тройчик, ты, что ли? – проскрипела Яга, которой, видимо, мой голос все-таки помог повстречаться с заплутавшим рассудком.

Вообще-то, меня не так зовут. По документам я Павел Павлович Павлов. Ну, а откуда взялось это «Трой», объяснять, я думаю, никому не надо. У провинциалов, в отличие от столичных жителей, так принято: пользоваться не именами, а именно прозвищами. И я, вливаясь в эту жизнь, быстро привык ко всем ее правилам. Настолько, что на Троя теперь отозвался бы гораздо быстрее, чем на Павлика, и даже сам стал так представляться во всех неофициальных случаях. Поэтому подтвердил:

– Я, конечно. Ты что, пенсне свое потеряла?

Бабка, всегда отличавшаяся отменным зрением, хихикнула в ответ, а потом предложила мне к зеркальцу подойти. Я вначале помог ей подняться, а потом без всякой задней мысли подошел. После чего отшатнулся и чуть не подхватил оборванную трель только что заткнувшегося кота. Потому что давно не видел более страшной рожи! Избушка, скотина! Занятый своими мыслями, я благополучно забыл, что благодаря ее стараниям оказался осыпан сажей! И до того стал похож на черта (которого Яга отчего-то панически боится), что его мама меня бы усыновила, даже не приглядываясь, зато моя бы меня не узнала вовек. Разве что, как и Яга, только по голосу. Хотя в обычных ситуациях Яга распознавала истинную сущность гостей на раз, как бы они ни красились перед визитом, но то ли сегодня совсем была нездорова, то ли изба постаралась на славу, переплюнув всех известных гримеров.

– Слушай, ну сколько раз тебе уже предлагали переехать из этой зловредной хибары, а? – напустился я на горе-избовладелицу, пытаясь оттереть хотя бы часть лица какой-то хозяйской тряпкой. – Это ведь все она, шутница подлючая! Доколе ты будешь сама терпеть ее издевательства и чужое терпение испытывать?

– Тройчик, ну не могу я ее бросить! – эти разговоры начинались у нас уже не раз, но всегда заканчивались одинаково: – В ней еще моя прапрапрабабка увидела свет! Это же родовое гнездо, семейная реликвия, раритет!

Я привычно приготовился услышать о том, как лучшие зодчие-волхвы в компании со старым грифоном создавали эту «реликвию», которая – помяните мое слово! – еще не одну хозяйку загонит в гроб. Но в этот раз бабка, изменяя сценарию, молча проковыляла к ведру с водой. Залпом выдула целый ковшик и мученически вздохнула:

– Ой, худо мне! Ой, как худо!

– Не тебе одной, – я перехватил у нее ковшик, тоже зачерпнув им водички.

– Васечка, касатик! – бабка тем временем принесла водички коту, который снова принялся умирать на лавке, как будто только что не скакал по избе. Яга заботливо придержала перед ним миску. Она называла его своим внучком и всегда баловала, как могла. Хотя он не мог быть ей родней. Приемыш, ведь чистокровный котище, в то время как бабка, подобно мне, была стопроцентным гуманоидом. И дочка ее тоже. Видел я ее пару раз. Больше, к счастью, не доводилось. Нет, не подумайте, что страшная! Наоборот, красавица, и выглядит на удивление молодо! Но с таким характером, что лучше бы уж внешне пострашнее была, чтобы народ в заблуждение не вводить… Так, о чем это я? Дочка от бабки, к счастью, живет далеко, на нормальной жилплощади, и практикует только для олигархов. А кот бабке однозначно не родственник, ведь смешаные браки у нас законом запрещены! Если бы не это, я бы давно был женат. И, думаю, счастлив. А теперь оставалось только вздохнуть: Лагута, моя ясноглазая рысь! Где ты теперь? Как живешь? Одна ли, как я, или уже вышла замуж? По настоянию родственников с обеих сторон мы были не только разлучены, но и всякое сообщение между нами было прервано. Да и стоило ли его поддерживать? Только душу друг другу травить, зная, что все равно ни к чему это не приведет.

– Может, настоечки тебе дать? Головушку твою пушистенькую подлечить? – бабка продолжала ворковать над котом.

– Чего спрашиваешь? – ответил я за него. – Давай уже, наливай свою абракадабровку всем троим! Поправляемся – и за дело! Сама понимаешь, что я к тебе не просто в гости пришел!

– Ой, Тройчик! – только и выдохнула бабка, трясущимися руками наливая в покрытую мхом кружку свое антипохмельное зелье.

Я не совался ей помогать, помня, как однажды при такой попытке едва без руки не остался, обзаведясь вместо этого раздвоенным щупальцем. Может, в некоторых делах и полезным (как бабка гадко хихикала, «в носу таким удобнее ковырять»), но родная конечность мне все же дороже. Так что пришлось тогда с намеком сказать веселящейся бабке, что старух таким щупальцем тоже душить удобнее, чем рукой, после чего все было быстренько приведено к первоначальному состоянию. Но я с тех пор четко уяснил, что в бабкиной избе каждая мелочь имеет значение, в том числе и мох на кружке для зелий.

Первая порция «настоечки» досталась, естественно, коту. Вторую бабка великодушно протянула мне, как гостю и по совместительству даже начальнику. Я не побрезговал – до того ли мне сейчас было! – и, выудив из зарослей посудного мха доставшиеся на мою долю кошачьи усы, приложился к краю. В который раз от одного только запаха сразу поверив в то, что не так уж мне до этого было и плохо. А потом заглотил всю дрянь одним махом, под пристальным взглядом уже пережившего этот момент кота.

Уж чего я только за свою жизнь не перепробовал, особенно в студенческие годы, но бабкино пойло ни с какой бодягой невозможно было даже сравнить! Оставалось только надеяться, что я даже на смертном одре не узнаю, из чего она его стряпает, потому что озвучивание рецептика, наверное, способно нарушить даже скорбный процесс умирания. Но помогает оно конкретно! Вот в чем вся фишка! На пару с Васькой злорадно наблюдая теперь за бабкой, которой процесс исцеления тоже никакого удовольствия не доставлял (особенно если учесть, что она-то рецептик знала назубок), я почувствовал, как внутри меня словно стихает буря. И пульс выравнивается, и дыхание приходит в норму. В общем, еще чуть-чуть, и я уже стометровку пробежать бы не отказался, даже с веслом на плече. Но тут подоспела с вопросом ожившая бабка:

– Тройчик, так что у нас на этот-то раз приключилось?

– Приключилось, – ворчливо повторил я за ней, – если так можно сказать, исчезновение всей стаи волков из нашего поселка. А самое печальное, что не вместе с волчицами. Короче, дело было так…

Я максимально подробно изложил бабке все, что сам помнил, запоздало спохватившись, что вообще-то бабка могла все и на своем волшебном блюдечке поглядеть, покатав по нему золотое яблочко. Но что поделаешь, это она от меня нахваталась: взяла моду проводить опрос свидетелей и потерпевших. Очень уж ей понравился этот процесс! А я на автомате кинулся повествовать о своих злоключениях. Опомнился, уже когда рассказ подошел к концу. Грозно взглянул на бабку, заставив ту покаянно ойкнуть и съежиться. И сказал:

– Если ты сейчас и протокол еще вздумаешь составлять, то сразу влеплю тебе строгий выговор!

Что это такое, бабка, думаю, понятия не имела, но отчего-то боялась выговора, как огня. Вскочила, засуетилась, и через пару минут волшебное блюдечко, способное пролить свет на дальнейшую судьбу моих корешей-волков, было уже на столе. А вот с яблочком, которое прилагалось к блюдцу, возникла неувязочка: бабка, как выяснилось, вчера им закусывала. Огрызки же по каемочке плохо катаются.

– Тройчик – проблеяла бабка, умоляюще уставившись на меня. – Только выговор не влепляй! Сейчас я к Жажиле в сад слетаю! Скажу, что для тебя надо, так он мне этих яблок корзину целую соберет!

– Еще не хватало, чтоб я тут ждал, пока вы там с этим лешим сбором урожая будете заниматься! – рявкнул я, раздосадованный задержкой в расследовании. Потом вспомнил: — А лететь ты на чем собралась? На метле?! С такого-то бодуна?! Да ты понимаешь, что за одно твое это заявление я, как представитель власти, должен тебя прав лишить и конфисковать твое средство передвижения?

– А сам-то? Помнишь, как пьяный в хлам наводил на поселок панику на ковре-самолете? – напомнил, пытаясь вступиться за бабку, кот.

– Разговорчики! – одернул я этого заступника. – Не панику наводил, а проводил задержание опасного рецидивиста, так что попрошу не путать. Не упускать же его было до тех пор, пока протрезвею? А потом поди еще, отыщи! Нет у меня с этой службой ни личной жизни, ни выходных! Ни даже полноценного отдыха в конце рабочего дня!

– Тройчик, так что ж нам сейчас-то делать? – снова подала голос бабка, не дав мне ни себя толком пожалеть, ни на жизнь пожаловаться.

– Пусть твоя изба нас к Жажиле сама отнесет, поработает. Тем более, что не так уж она сейчас от него далеко. Можно сказать, большая часть пути уже пройдена.

– Да разве ж мы ее сейчас уговорим идти именно туда, куда нам надо? – вздохнула бабка. – Она сегодня, сдается мне, не в настроении.

– Это смотря как за дело взяться, – не тратя времени даром, я вышел на крыльцо, спустился на землю. И сразу приступил к «уговорам» избы – примерившись, дал ей смачного пинка под нужный венец.

Обычно в ответ на такие мои действия изба вначале пытается заехать мне в челюсть своей курьей ножкой и только потом пускается в галоп. Но сегодня она, видимо, была не в лучшем своем состоянии. А может, просто задумалась и не ожидала от меня решительных действий. Так или иначе, вместо того, чтобы попытаться дать мне сдачи, изба вскочила и с заполошным кудахтаньем понеслась через лес. Все, что мне оставалось сделать за те секунды, пока изба еще была в зоне моей досягаемости, так это резво подпрыгнуть и уцепиться за ту самую метлу, на которой я бабке лететь запретил. Она висела снаружи, на двух вбитых в стену крючьях. Я успел ухватиться за длинную рукоятку, как за перекладину турника, и повис на ней мешком, пытаясь хоть как-нибудь удержаться. Но тут дурная бабкина избушка опомнилась, что не рассчиталась со мной за отвешенный ей пинок. И, оценив мое плачевное состояние (я даже подтянуться не мог, потому что организм все еще мстил мне за давешнее отравление алкоголем общей слабостью, даже несмотря на бабкино зелье), сменила аллюр. И понеслась скачками, прыгая с кочки на кочку. Так что теперь я не просто висел снаружи, а болтался с внушительной амплитудой. То взлетал почти параллельно земле, то ухал вниз, впечатываясь в гадкую избу всем своим фасадом, который от этого, понятно, лучше не становился. А еще это было больно! Избе, наверное, тоже при этом чувствительно доставалось, но ее физические страдания с лихвой компенсировались тем удовольствием, которое она получала, болтая мною и шлепая. Болтая и шлепая. Отчего у меня перед глазами вскоре уже танцевали огненные круги. Но первой в нашем с избушкой поединке не выдержала третья участница – метла. Или крючки, на которых она крепилась? Как бы там ни было, гораздо важнее причины оказался результат: я обнаружил себя сидящим на земле, обнимающим отвалившуюся от стены метелку и глядящим вслед резво удаляющейся избушечьей ж… задней части корпуса. Догонять негодяйку было бесполезно. Оставалось только подняться, привычным движением – не зря, оказывается, с веслом накануне тренировался! – закинуть метлу себе на плечо и тронуться в путь по проложенной избушкой тропинке, пока та не заросла. Догнать избу я даже и не надеялся, но, зная конечную цель ее маршрута, своими усилиями надеялся ускорить нашу с ней встречу.

4

Где-то через полчаса пути по избушкиным следам я весь взмок: нездоров еще был, да и полуденное солнце нещадно палило мне в самую макушку, игнорируя стройные сосны, пытавшиеся меня защитить.

Где-то через час с небольшим у меня уже дрожали ручки и ножки, призывая опуститься на землю. И, в идеале, поразмыслить там о последствиях неумеренного употребления алкоголя. При этом легонькая метелка уже казалась мне тяжелее весла.

Где-то часа через два я сдался, все-таки плюхнувшись на ковер из опавшей сосновой хвои с мыслью о том, что неплохо было бы на нем и умереть. Но сделать это мне существенно мешала всего одна мелочь: некому было подать традиционно последний стакан воды! Или лучше сразу с десяток стаканов! Пить хотелось так, что ни жизнь, ни смерть для меня в этом мире уже не играли роли. Одна только ЖАЖДА, утолить которую в солнечном сосновом лесу было нечем. А доползти до какого-то другого леса уже не оставалось сил. И, как назло, ни единой живой души поблизости! Ни зверей с гуманоидами и птицами, ни лешего, ответственного за этот участок! В порыве отчаяния я даже почти решил при первой же встрече с Жажилой наябедничать ему на нерадивого лешака. Жажила – он у них, у всех леших, за старшего, хотя у самого во владении вместо леса давно уже сад, лучший в наших краях, с самыми редкими фруктами. Не зря Яга именно к нему кинулась за эксклюзивными золотыми яблочками. А я… нет, если все-таки до него доберусь, то жаловаться точно не буду. В память обо всех тех случаях, когда добрые люди на меня на самого не доносили вышестоящему начальству. А таких случаев, наверное, на целый том бы уже набралось. На фоне этого нерадивость лешака, во владениях которого пытался окочуриться от тяжкого похмелья местный участковый, уже не казалась чересчур преступной. Но, как известно, когда одни пренебрегают своими служебными обязанностями, это ведет к тому, что другим тоже приходится их нарушать. Не желая принимать смерть в солнечном и ароматном сосновом лесу, чтобы потом портить пейзаж случайным прохожим видом своего трупа, я малодушно уставился на метлу. Да, за вождение транспортного средства в таком-то вот состоянии, как у меня, я сам бы любого другого остановил. Но… Интересно, как там ее бабка заводит, эту свою чудо-технику? Я решил только попробовать: оседлал приподнятую метлу. Потом тяжело вздохнул, мечтая вслух:

– Эх, отнесла бы ты меня, родная, в такое место, где мне дали бы холодненькой водички испить!

Если бы я только знал, что этого будет достаточно! Тогда бы хоть подготовился как-то! А так… Я и опомниться не успел, как метла взвилась в воздух, едва не треснув меня при этом по… Ну, в общем, на мое счастье, все-таки не треснула, потому как я инстинктивно успел извернуться, шестым чувством оценив грозящую мне опасность. После этого я какое-то время балансировал на набирающей высоту метелке, удивляясь, как ухитряется летать подобным способом древняя и немощная (с ее собственных слов) старуха. Ну, пусть теперь только попробует заикнуться мне про свою немощь! Уж у меня будет, что в ответ на это ей сказать! Но только, разумеется, не правду о своих сегодняшних приключениях. А правда заключалась в том, что, продержавшись верхом на метле не больше пяти минут, я позорно сполз ей под брюхо… то есть, под рукоятку. И висел под ней весь полет, как мешок, да еще и набитый не самым ценным содержимым, вцепившись в нее руками и ногами, пока она несла меня по нечетко обозначенному мною адресу. О том, чтобы хоть как-то управлять метлой, и речи быть не могло. Нет, все, что мне оставалось, так это молиться, чтобы никто, повстречавшийся мне на пути, не догадался бы голову вверх задрать. А если уж задерет и увидит, что над ним в небе творится, то пусть, по крайней мере, хоть не узнает меня! Бравого парня участкового, беспомощно и некрасиво болтающегося на летящей метле. В который раз оставалось только порадоваться,

что я не в форменном мундире. И что в полуденную летнюю жару все наши птицы предпочитают дома сидеть.

Путь наш оборвался внезапно, метла так резко пошла на снижение, что у меня даже мелькнула мысль о том, что ее подбили. Потом, вытряхнув искры из глаз после встречи с некстати подвернувшимся забором, я понял, что это было все-таки приземление. И что всего хуже, сидел я сейчас в чьем-то дворе. Хозяин которого, кто бы он ни был, теперь с полным основанием сможет тешить все население рассказами о том, что именно участковый пытался объездить бабкину метелку. Как это происходило, я думаю, будет передаваться из уст в уста с каждым разом все красочнее. Так что вскоре мне останется только рапорт об увольнении написать, предварительно во всем признавшись бате, чтобы лишних вопросов не задавал. Не потому, что надо мной все начнут ухахатываться, к этому я как раз спокойно отношусь, я и сам над собой иногда не прочь посмеяться, а потому, что у меня после такого пролета никакого авторитета не останется в глазах населения.

– Тройкин, ты ли это?! Вот какое счастье-то мне с неба свалилось!

Этот напевный грудной голосок вначале заставил меня подскочить от неожиданности, а потом облегченно вздохнуть, снова спокойно опуская на землю свой центр тяжести. Тарюша! И как я ее двор сразу не смог узнать? Наверное, потому, что попал в него незнакомым маршрутом. Но как удачно, что метла принесла меня именно к ней! Теперь я мог быть уверен в том, что меня и напоят, и мою тайну не разгласят. Потому что Тарюша была настоящим человеком, одним из немногих, кто никоим образом не станет добивать попавшего в беду. Хотя по рождению она была не гуманоидом, а поросей, но сути дела это нисколечки не меняло. Чувствуя, как успокаивается мое сердцебиение, я сидел на земле, наблюдая за ее приближением. Тарюша у нас даже среди своих сородичей слыла дородной. Меня таких, как она, трое будет. При всем при том, что парень я далеко не хрупкого телосложения.

– Тройкин, дорогой! Какими судьбами? – двигалась эта дама на редкость грациозно. Подошла ко мне вплотную, гремя своими многочисленными цепочками, кулонами и браслетиками, протянула мне свою надушенную, благоухающую розами пухлую ручку. – Поднимайся, давай!

Но вместо того, чтобы принять Тарюшину помощь, я, не вставая с земли, галантно приложился к ее ручке губами. Тарюша везде, где бы ни появлялась, становилась душой компании. Ну а уж те, кто ее знал, бесспорно ее обожали, и я в том числе. Так что, сделав над собой усилие и самостоятельно поднявшись на ноги, я от ручки перебрался к напудренной-надушенной щечке. Чмокнул ее, попутно шепнув:

– Как я рад тебя видеть! – а потом, словно кто меня за язык тянул, не удержался и ляпнул: – Но ты, кажется, снова поправилась, моя радость! – после чего мне свой дурной язык захотелось не просто прикусить, а вообще проглотить, чтобы даже с бодуна всяких гадостей не болтал! Ну поправилась, ну и что?!

Но Тарюша не была бы сама собой, если бы обиделась на треп похмельного дурака. Я еще не успел принести ей извинения с сопутствующим изложением причин своей бестактности, как она расхохоталась:

– Тройкин! Женщина считается толстой тогда, когда ее живот начинает выступать за линию груди! А у меня сиськи – во! – она раскинула руки, демонстрируя мне весь объем своего шикарного бюста. Да, за такой ни один живот не выбьется! Потому что это в принципе невозможно! Как и невозможно любому мужику, глядящему на всю эту роскошь, временно рассудок не потерять. Я, во всяком случае, на время утратил способность соображать, даже про свою страшную жажду как-то забыл. Тарюша, хитро подмигнув, сама мне о ней напомнила:

– Ну, пойдем, Тройкин! Пойдем в дом. А то выглядишь ты в высшей степени пересохшим. И вообще таким, как будто тобой печную трубу прочищали.

– Хуже! – буркнул я, входя за хозяйкой в прихожую. – Мало того, что я с бодуна, так мы еще с бабкиной избой опять характерами не сошлись… Ох, мать моя!!! – это восклицание вырвалось у меня прежде, чем я осознал, что за порогом передо мной внезапно возник не какой-то пригретый Тарюшей монстр, а всего-навсего большое, во всю стену зеркало. В котором отражался всего-навсего я, но зато во всей своей красе, к которой, помимо давешней сажи, добавились еще разбитая при избушечных скачках физиономия и прическа, сотворившаяся во время моего чудо-полета. Когда я все это осмыслил и оценил, у меня остался к Тарюше единственный вопрос: – Радость моя, а ты как меня вообще сегодня сумела узнать?

– Сердцем, Тройкин! Сердцем! – проникновенно шепнула она мне на ушко, нежно щекотнув его своим шелковистым пятачком и одновременно подталкивая меня в сторону ванной. – Вещее оно у меня.

Вещее или нет, но золотое, это точно. Получаса не прошло, как эта прелестная женщина привела меня в относительный порядок. Причем как снаружи, так и изнутри.

– Пиво?! – ахнул я, сделав хороший глоток из поданного мне запотевшего ковшика.

– А ты что думал, я дорогих гостей водой встречать буду? – почти обиделась Тарюша.

– Нда… – я с сожалением посмотрел на плещущуюся в ковше пенную, почти ледяную жидкость, до невозможности аппетитную, особенно в моем состоянии. – Только, видишь ли, дело у меня сейчас. Расследование я веду.

– Веди! – позволила эта мудрая женщина. – Допивай пиво и вперед! Потому что лучше быть чуть поддатым, но живым, чем трезвым, но умирающим. Поверь, что толку от тебя похмелившегося будет гораздо больше.

Аргумент был более чем разумный, другого мне и не требовалось. Получив такое напутствие, я снова приложился к ковшу и уже не отрывался от него до тех пор, пока там не осталось ни капли. Вернул золотой женщине ее посуду и снова чмокнул в нежно-розовую щечку, пока не зная о том, что Тарюша мне еще и свою машину собирается одолжить. Поддатому. Но совершенно секретно. Поскольку нарушать закон в этот злополучный день мне было уже не впервой, пешком я за прошедшие сутки натопался на неделю вперед, а для того, чтобы повторить свой полет на метле, был еще слишком трезвым, я с благодарностью принял Тарюшино великодушное предложение.

Уже садясь за руль ее внедорожника на воздушных колесах, наудачу поинтересовался:

– А скажи, моя радость, спасительница моя, ты сегодня волков, случайно, не видела? А то, пока я тут маюсь в их поисках, может, они давно уже дома дрыхнут, зубастые сволочи?

– Тройчик, вынуждена тебя огорчить. Хлойка с подругами только недавно мимо моего забора проходила и ругала всю вашу компанию на чем свет стоит. Так что нет дома до сих пор твоих сволочей, а ты волчицам на глаза пока что даже не попадайся. Да, слушай, я тут вспомнила! А вчера ведь, когда вы из поселка уже двинулись дальше, вразнос, здесь всех четверых волков мужик какой-то искал. Не наш, не местный, явился из-за Елового поворота, отчего первым делом и вышел на мой двор. Мне он сразу не понравился. Гуманоид, сутулый, на голове капюшон, спадает на пол-лица, только губы его узкие выступают из-под края, едва разжимаясь при разговоре. А когда я ему сказала, что волки загуляли в компании с участковым, он сразу как-то резко погрустнел, что мне тоже совсем не понравилось, и не стал заходить в наш поселок. Так что вот, не знаю, насколько это может быть важно, но ты имей ввиду этого мужика. И Яге при встрече вопросик закинь, пусть погадает на него на блюдечке. Кстати, привет ей от меня с котом. А избе передай, если будет себя плохо вести, то я в гости к Яге заверну и просижу у нее в светелке часа два, не меньше. У избушки после таких моих визитов курьи ножки до-о-олго дрожат от пережитого напряжения, так что на какое-то время присмиреет после этой угрозы.

– Вот за этот совет самое большое спасибо! – просветлел я и, простившись с моей радостью, на ее машине тронулся в путь. Естественно, на заднее сидение закинув метелку.

Несмотря на то, что у Тарюши был очень крутой внедорожник, проехать мне на нем удалось лишь полпути. Дальше пошла совсем уж непроглядная чаща с такими узкими просветами между деревьями, что мне пришлось отправить внушительных размеров машину обратно к хозяйке, на автопилоте пустив ее по старому следу, и продолжить свои странствия уже пешком, с метелкой через плечо. Впрочем, на мое счастье, идти мне пришлось недолго. Избу я повстречал на полпути от Жажилиного сада. Она с мрачным видом брела мне навстречу, и по виду ее правой ставни я сразу понял, что досталось ей на этот раз от бабки оптом за все проделки. Может, даже и авансом, за еще не совершенные. Увидев меня, вредное жилище остановилось, словно раздумывая, то ли впустить меня, то ли из вредности развернуться в обратном направлении и удрать, пока Яга меня из уцелевших окон не заприметила.

– Тарюшу приведу к тебе в гости! – выпалил я, не дожидаясь ее решения.

Подействовало! Изба сразу стала как шелковая. Даже легкий полуоборот совершила, чтобы мне к крылечку было ближе идти! Я и пошел, прямо вместе с метлой – пусть Яга сама решает, куда ее теперь вешать. И уже в самых дверях столкнулся с разгневанной бабкой, спешащей наружу с увесистым дрыном. У меня, честно сказать, при виде такой встречи душа ушла в пятки: думал, бабка на меня за метлу разозлилась и несется по мою душу. А я с женщинами воевать, да еще с пожилыми, совсем не приучен. Но оказалось, что еще не остывшая бабка, ощутив несанкционированную остановку избы, просто спешила на улицу, чтобы там продолжить с ней воспитательную работу. Увидев меня, она резко остановилась и просияла так, что от золотого клыка солнечные зайчики по всему крыльцу разбежались. А потом с воплем: «Тройчик, живой!» – кинулась обниматься, при этом уронив мне свой дрын прямо на ногу. Я с трудом сдержался, чтобы от этого не заорать. На ногах у меня были мягкие мокасины, так что пальцам досталось по полной программе! Но уж очень теплую встречу мне оказывали, так что совестно было ее портить своими воплями. Вот я и не стал. Молча приставил метлу к стене и раскрыл бабке ответные объятия, приплясывая тайком от нее, чтобы хоть капельку унять боль. Она эти мои телодвижения все-таки заметила, истолковала их по-своему и чуть было меня насильно в сортире не заперла, вопя с воплями: «Не надо стесняться»! чуть было меня насильно в сортире не заперевПришлось все-таки рассказать ей про ногу, но приврать, что отбил себе пальцы в пути, потому что правды моя сердобольная бабка могла бы просто не вынести! И так она, выслушав меня, сразу развила бурную деятельность. Затащила меня в светелку, усадила в лучшее кресло, супчика налила – Жажила, оказывается, угостил, потому что бабке самой варить было некогда. Она ж меня, оказывается, почти похоронила! Заметив, как я успел уцепиться за убегающую избу, а потом, остановив дурную, но уже не обнаружив меня на месте, она думала, что изба меня в пути к какой-нибудь коряге успела приложить, после чего из меня и дух вышел вон.

– Если только похмельный, – пробормотал я, наворачивая супчик.

Рассказывать бабке о моих полетах на ее метле совсем не хотелось, равно как и признаваться, что меня уже успели качественно опохмелить. Чего дразнить бабку попусту, да еще и вместе с котом? И потом, она ведь после этого обо всем остальном сама бы уже догадалась. Хорошо хоть, что при помощи своего блюдечка не додумалась меня поискать, за что отдельное спасибо ее похмельному духу и нездоровой панике. Так что я поспешил перевести разговор на другое:

– Ну как Жажила, яблочек дал?

– Конечно! Тройчик! Да разве ж он нам с тобой отказал бы?

– Тогда давай-ка приступим уже к расследованию.

Бесценная моя «дама Яга, работающая пенсионерка»! Если бы не она, на сколько верст больше мне пришлось бы проходить каждый день? В какие дебри залазить, сколько всякой пыли на себя собирать? Сколько пришлось бы опросить лишних и порой не самых приятных

свидетелей? Сколько лживых подозреваемых отпустить из-за отсутствия доказательной базы? Подумать страшно! Когда я только начинал работать, меня все это в отчаяние приводило. При всем при том, что, как вы, наверное, уже поняли, шалопай я изрядный и лишней суеты вообще не люблю. Но, на мое счастье, еще на заре моей карьеры мне повстречалась ОНА, моя «дама»! Обратилась она ко мне не с жалобой – ну кто, даже самый крутой в лесу, осмелится Ягу зацепить?! Она же убить не убьет, но такую порчу нашлет, что самому потом жить не захочется! Пришла ко мне бабка с юридическим вопросом насчет официальной регистрации своей бродячей избы. С весьма сложным, надо сказать, вопросом. Но я, тогда еще совсем молодой, зеленый и очень уважающий старшее поколение, перелопатил кучу законов не за страх, а за совесть, поднял тьму всяких сводов и подпараграфов и все-таки смог найти достойное и грамотное решение. После чего Яга заявилась ко мне домой с котом и жбаном, чтобы отблагодарить за хлопоты, и я под черпаки отменного мухоморового винища изливал ей душу до самой зари. Все рассказал, уж не поленился! И про батю своего в генеральском чине, отчаявшегося сделать из меня супермена всех времен и народов, а потому просто сославшего меня сюда на неопределенный срок, на исправительные работы. И про маму… ну, про эту святую женщину, умеющую нас с батей обоих как-то терпеть, не надо много рассказывать, это просто прочувствовать надо. И про свою запретную любовь к прелестной рыси с янтарными глазами, ответившей мне пылкой взаимностью, рассказал. И о том, как все родственники, узнав о наших чувствах, дружно на нас ополчились… это, кстати, тоже повлияло на батино решение о моей ссылке, в то время как Лагуту отправили в какой-то крутой универ за кордоном. Слушая последнюю часть моей ночной исповеди, Яга даже прослезилась – она обожает все романтическое, так что эта любовная история проняла ее до самых душевных недр. Я, находясь под гнетом оживших воспоминаний, тоже был настроен на лирический лад. И вот уже на рассвете, под храп давно отрубившегося кота, мы с Ягой сидели в обнимочку и утешали друг друга, обмениваясь заверениями в вечном уважении и любви. А она меня еще и в том уверяла, что непременно будет в моей будущей жизни большая любовь, которая принесет мне настоящее счастье. Это, типа, она по моей руке нагадала. Я же возьми тогда да и ляпни: «Вот раз ты гадать умеешь, так взялась бы мне делать подсказки в самых сложных моих расследованиях». Просто сказал, без всякой задней мысли. А она… Надо было видеть, как она вся загорелась! Как же! Интересная работа, официальная должность, престиж, и, опять же, какая женщина откажется держать руку на пульсе всех сплетен в поселке? Ну, может, не совсем всех – кое-что, особо сокровенное для отдельно взятых личностей, я все же до нее не доносил, – но практически, причем, с официальной доставкой на дом. Однако кому с нашим обоюдным рабочим договором больше повезло, так это мне, не Яге. Только осознал я это не сразу, а через несколько дней после его вступления в силу. Когда Яга со своими колдовскими штучками, в которые я в то время не верил, избавила меня от множества лишних хлопот. Именно это и заставило меня в конце концов проникнуться всей важностью нашего сотрудничества, научиться верить Яге с ее антинаучными методами и не хвататься за новые дела самому, а вначале нести их «даме» на предварительное обсуждение. После которого на мою долю выпадала хорошо если только половина той работы, которую я был бы вынужден проделывать без своей бесценной помощницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.